

Владимир КАРСУНСКИЙ

СТАРЫЙ ДОМ

*«Огонь сосны с огнём души
В печи перемешайте!»*

Булат ОКУДЖАВА

СТАРЫЙ ДОМ КАК НАМОЛЕННАЯ ИКОНА

Помнит Дом своё рождение под звон топоров и песню пилы. Помнит сильные руки Плотника и его призыв «Р-раз-два... взя-а-ли!.. Ещё-о-о взя-а-ли!..» Помнит Дом тихую молитву Хозяйки и первый крик новорожденного, лихие переборы гармоники и те немногие, короткие, простые слова Хозяина, собиравшегося когда-то в путь неблизкий и, возможно, безвозвратный... Есть в городке Дом, почти два века ему, но он ещё крепок и надёжен, вот только от долгой жизни потемнели стены его. Человек к старости седеет, но седина лишь украшает доброго человека, стены же старого Дома, срубленного из сосны, добротного, пропитанного пахучей смолой дерева, с годами становятся цвета благородной бронзы. Лицо старого Хозяина избороздили глубокие морщины, а по могучим венцам Дома пролегли большие и малые трещины. Живнца, некогда янтарными россыпями сверкавшая по разводам сучьев, превратилась теперь в кристаллы охристого песка...

СТАРЫЙ ДОМ КАК СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Но Дом продолжает жить и долго ещё будет противостоять зною и холоду, ветру и дождю, выполнять своё извечное предназначение – кровом быть для человека. Осень. Рано холодает. Но деревянные стены всё ещё хранят тепло ушедшего лета, и тепло тех далёких лет, когда крепкие венцы Дома были стройными соснами, кроны которых шумели где-то высоко-высоко, совсем близко к белым ватыным облакам, раскалённому Светилу и парящим в синем небе птицам. Вот уж и пришли первые заморозки. Зябко стало старому Хозяину, принёс он из сарайчика охапку берёзовых да осиновых поленьев, с перестуком-перезвоном сложил у печи-голландки, придвинул ближе к ней невысокую, отполированную годами, будто пролаченную скамеечку, присел. Шершавые ладони его легли на глянecь дерева и, как бы проверяя его на прочность, крепко-крепко сжали края широкой дубовой седёлки... Размеренный стук стареньких скрипучих ходиков делил серые осенние сумерки на мельчайшие доли, стихал где-то под самым потолком. На смену сумеркам шла полная темнота, постепенно заполняя всё пространство Дома. И только прямоугольники больших окон серо проступали на тёмном полотне стены... В такие часы и минуты воображение спорит с явью: стены Дома вот-вот исчезнут, и серые окна превратятся в цветные картины, которые затем обязательно оживут...

Взвизгнули петли печной дверцы: Старик привычно уложил дровишки в топку, бересту шалашиком пристроил. Не спеша достал из кармана телогрейки баночку с табачком-махорочкой, листик от газетной складки оторвал, а края его подогнул; привычно насыпал на бумажный желобок щепоть душистого зелья, языком провёл по краешку; оборот другой – сигарка готова. Заскорузлые пальцы долго доставали из почти опустевшего коробка спичку; но вот она всё-таки чиркнула по обшарпанному боку собственной обители, серная головка её зло зашипела, и жёлтый треугольник огонька встретился с самокруткой. Первая затяжка явила темноте красного светлячка, а густой клуб выпущенного на свободу дыма скоро и бесшумно втянулся в холодную пока ещё топку. Догорающая тонкая палочка уже обжигала пальцы Старика, но вот пламя её, напоследок вытянувшись и затрепетав, коснулось всё же берёзового запала, устроенного им у самого края: робкие язычки огня осветили доселе чёрное чрево печной топки, принялись понемногу скручивать бересту и вытапливать из неё дёготь, придающий горению некую живость и весёлость...

Редкие щелчки сменялись громким потрескиванием; крепнувший огонь рождал общий гул, среди которого слышны были то неровные вздохи, то хлопки. Печь оживала и издавала множество разных звуков, а в самом верху её слышно было тихое завывание, сопровождаемое неровным звоном вьюшки... И вот уж пламя в печи стало полным хозяином: оно яростно облизывало кладку поленьев со всех сторон, выметывая длиннющие языки свои в каждом сколь-нибудь свободном пространстве; крутятся и извиваясь, оно стремилось в темноту заросшего сажей лабиринта дымохода, металось, норовя вырваться через печной портал наружу, чтобы тронуть гладкую жёсть печного короба... Под напором огня темнота нехотя отступила в углы Дома, забралась под кровать, затаилась за высоким шкафом, спряталась за багровыми отблесками оконных стёкол. Старый Хозяин, сбросив телогрейку, оставшись в чистой белой нательной рубашке, неподвижно сидел на скамеечке и всматривался в неистовую пляску огня, прислушивался к сопровождавшей её какофонии. Седая голова его и белая рубашка казались сейчас такими же бронзовыми, как и ровно отёсанные венцы стен дома. А могучая тень Старика то перемещалась от одного края противоположной стены к другому, то пыталась вознестись куда-то, но, замерев на мгновение, приземлялась... и опять стремилась воспарить...

Вспомнилось сейчас Старiku, как, будучи мальчишкой, помогал он деду и отцу на строительстве такого же дома: отчётливо вдруг услышал звон то-

поров, ласкающих древесину и визг вгрызающейся в плотное тело бревна двуручной пилы. Вспомнил то, как собирал свежую щепу и стружку, что щедро источали сладковатый дурман сосновой смолы... Сейчас же совершенно явно увидел, как вместе с отцом мастерил люльку для недавно появившегося на свет братишки. Та же, в которой когда-то его самого качала мама, пошла после по всему городку – от одних к другим, от других к третьим... да так и не вернулась. Сколько матерей, сколько ночей не смыкали глаз возле люльки той!.. Сколько истошных воплей слыхивала она, сколько раз была насквозь промочена по неизбежной необходимости!.. А вот братишка и подрост уже: сидят они вдвоём на скамеечке, у печи, и неотрывно смотрят на плавающие в топке угли. Лица их горят от спящего жара, губы пересохла и стали наждачно-шершавыми, а в двух парах широко раскрытых глаз отражается пурпурно-красная палитра огненной лавы... Видения сменялись одно другим. Старику хотелось поговорить со всеми, кто являлся ему. И он говорил. Говорил, лишь слегка шевеля губами, время от времени потягивая давно потухшую самокрутку. Просил прощения у представшей перед ним мачехи, которую мамой назвал только в тот день, когда уходил на фронт. Тут же вспомнил, как встречала она его одного в этом доме: отец и младший брат так и не вернулись с той войны. И у них просил прощения за то, что жив остался, и у жены своей, раньше его покинувшей этот дом и этот мир... Угли в печи успели составить багровую мозаику. Временами ярко-красная смальта огненной картины то немного тускнела, то вновь становилась прозрачно-рубиновой.

Постепенно мерцание ослабело, жар чуть подёрнулся горячим пеплом. Дом наполнился ровным сухим теплом, у самой же печи стало припекать. Старый Хозяин, медленно поднявшись со скамеечки, подошёл к кровати и, поправив подушку, прилёг прямо поверх одеяла. Оттого, наверное, что «повидался и поговорил» со своими, на душе его было хорошо и спокойно. Сквозь дрему смотрел Старик на теряющую ясность картину в закопчённой чугунной рамке. Скоро багровое полотно стало изумрудно-зелёным: взору его предстал большой луг, освещённый каким-то неземным светом – ровным и мягким!

Вместе с родной своей мамой идёт он по высокой траве, крепко держась за её тёплую мягкую руку. Мама что-то рассказывает, но её тихий грудной голос слышится как будто издалека, и слов разобрать нельзя. Мальчишка, высвободив свою ручонку, старается забежать вперёд, чтобы, обернувшись, лучше разглядеть лицо мамы и по её губам

точно понять, о чём она говорит, но ноги его путаются во множестве переплетённых стеблей – он падает. Падение длится долго-долго – целую вечность!.. Вот он слышит добрый матушкин смех: она наклоняется к нему, но лица её не разглядеть, как и на единственной сохранившейся довоенной фотографической карточке... Видение растворилось в ярком белом свете, сочные краски необъятного луга разбавились молоком, стихло стрекотание кузнечиков и пение птиц...

К утру угли в печи почти совсем остыли, задохнувшись под толстым покрывалом золы. На скамеечке, всё так же стоящей у голландки, осталась лежать открытая баночка с махоркой, в ней же – спичечный коробок и газетная складка. Ходики на стене, у кровати, остановились: стрелки, слившись в одну, показывали полночь, а гирька на тоненькой цепочке коснулась самого пола. Умолк и сверчок, забравшись перед рассветом в самый дальний угол.

Старый Дом вступил в пределы царства полной тишины и покоя...

Хоронили Старика всей улицей. Несли его в просторной некрашеной домовине, собственноручно приготовленной им самим ещё много лет назад и хранившейся доселе на чердаке дома. Дно её было выстлано пахучей сосновой стружкой, а подушечка набита сухими луговыми травами. Медленно плыл гроб по улице – мимо домов, поднятых дедом и отцом, им самим и его сыновьями, отражение поочерёдно возникало в окнах каждого дома, словно сам Старик в последний раз заходил туда, чтобы проститься перед дальней дорогой... У последнего поворота, на углу, где стоял новый, точь-в-точь как его, сосновый дом, процессия остановилась: вопреки серому осеннему дню, тяжёлому свинцовому небу, с чёрными рваными тучами, норовящими лечь на саму землю, Новый Дом будто изнутри светился необыкновенной свежестью и чистотой!..

Фото автора

